

уравненный с мраком ночи, а потому при чрезвычайной знойности воздуха не имеющие возможности прикрываться одеждами. Но следует понимать это так, что человеческий род в соответствии со своими общими чертами, присущими всем, должен управляться монархом и общим для всех правилом приводиться к миру. Это правило, или этот закон, отдельные правители должны получать от монарха, подобно тому как практический интеллект, для вывода, который касается действия, получает большую посылку, которая принадлежит собственно ему, и тогда делает свой частный вывод применительно к действию. И сказанное не только возможно для одного, но по необходимости должно проистекать от этого одного, чтобы всякая неясность в отношении универсальных начал была устранена. Как пишет Моисей во Второзаконии, это сделано было также и им самим: избрав главных из колен сынов Израиля, он оставил им право низшего суда, высшее же и более общее он сохранил всецело за собою, каковым более общим руководствовались главные в коленах своих в соответствии с тем, что подобало каждому из колен. Стало быть, лучше, чтобы человеческий род управлялся одним, чем многими, и, следовательно, монархом, единственным правителем; а если это лучше, то и Богу угоднее, поскольку Бог всегда хочет лучшего. И так как при наличии лишь двух сравниваемых предметов лучшее и наилучшее – то же самое, одно не только угоднее Богу, чем многое, но и наиболее угодно. Отсюда следует, что человеческий род находится в наилучшем состоянии тогда, когда управляется одним. И, таким образом, для благополучия мира необходимо должна существовать монархия.

XV.

Далее я утверждаю, что сущее и единое и благое образуют градацию в соответствии с пятым значением термина «прежде». Ибо сущее предшествует по своей природе единому, а единое – благому; ведь в наибольшей мере сущее есть в наибольшей мере единое, а в наибольшей мере единое есть и в наибольшей мере благое. И чем дальше что-либо отстоит от высшего существа, тем дальше отстоит оно и от единства, а следовательно, и от благости. Потому в любом роде вещей оказывается наилучшим то, что в наибольшей мере едино, как утверждает это Философ в книгах «Метафизики». Вот почему единство, видимо, есть корень того, что есть благо, а множество – корень того, что есть зло. Оттого Пифагор в своих соответствиях на стороне блага помещал единое, а на стороне зла – многое, как явствует это из первой книги «Метафизики». Отсюда можно усмотреть, что грешить есть не что иное, как переходить от одного ко многим, что понимал и Псалмопевец, говоря: «От зерна пшеницы вина и елей умножились». Итак, ясно, что все благое – благо потому, что заключено в едином. И так как согласие, будучи того же рода, есть некое благо, очевидно, что оно заключено в чем-то едином, как в своем корне. Корень этот станет явным, если обратиться к природе или к понятию согласия. Ведь согласие есть однородное движение нескольких волей; отсюда становится ясным, что единство волей, подразумеваемое под однородным движением, есть корень согласия, или само согласие. Ведь подобно тому, как мы называли бы согласными несколько земляных глыб потому, что все они опускаются к центру, или несколько огней потому, что все они поднимаются к верхней окружности (если бы те и другие делали это по своей воле), точно так же и многих людей мы называем согласными, если они движутся вместе по своей воле к чему-то одному, существующему как форма в их воле, наподобие того, как одно и то же качество, то есть тяжесть, существует как форма в земляных глыбах, а другое, то есть легкость, – в огне. Ведь достоинство воли есть некая потенция, а качество желаемого ею блага есть ее форма, каковая форма, подобно прочим, оставаясь единой к себе, умножается соответственно умножению материи воспринимающего, подобно душе и числу и прочим формам, не являющимся чистыми.

Предпослав сказанное для разъяснения предпосылки, аргументируем основное положение так. Всякое согласие зависит от единства, существующего в волях; человеческий род в своем наилучшем состоянии есть некое согласие. Ведь подобно тому, как отдельный человек, находящийся в наилучшем состоянии, и в отношении души, и в отношении тела есть некое согласие, так и дом, и государство, и империя, и весь род человеческий образуют согласие. Следовательно, наилучшее состояние рода человеческого зависит от единства воли. Этого не может быть, если нет единой воли, владычествующей и согласующей в одно все прочие; ведь воля смертных из-за соблазнительных утех юности нуждается в руководстве, как учит Философ в последних книгах